

«Курьер» Москва. 1907г. 1ое октября.

КРИТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ.

И. О. Горбунов.

Среди пестрой толпы «народных» типов, выведенных в комедиях Островского, не достает одного: талантливый из русских драматургов, давший первую по времени широкую картину народной жизни, обрисовывавший быт самых различных слоев русского общества, последовательно избравший своих героев из среды купцов, мещан, крестьян, приказчиков, чиновников, интеллигентных пролетариев, не остановил своего внимания на типе фабричного мастера. А между тем тип «фабричного» еще тогда, когда Островский писал свои ранние произведения, заставлял говорить о себе в интеллигентных кружках, начинал завоевывать себе права гражданства в области изящной литературы. Как раз под одной кровлей с Островским, в то же время, жил тогда художник слова, заинтересовавшийся столичную интеллигенцию рассказами из фабричного быта.

Иванъ Федоровичъ Горбуновъ—имя этого «рассказчика»—самъ былъ сыномъ фабричной среды, вышелъ изъ ея пѣдръ. Онъ родился въ семьѣ крестьянина, работавшаго на одной изъ подмосковныхъ фабрикъ. Но познакомиться съ фабричной работой на собственномъ опытѣ Горбунову не пришлось; онъ имѣлъ возможность получить довольно порядочное образование; онъ прошелъ пять классовъ гимназическаго курса, затѣмъ посѣщалъ (тайнымъ образомъ) лекціи въ московскомъ университетѣ; пробѣл и недочеты школьнаго образования онъ пополнилъ разностороннимъ чтеніемъ... И, разставшись съ фабричной средой, онъ вступилъ въ ряды интеллигентнаго пролетариата.

Вступивъ въ ряды интеллигентнаго пролетариата, онъ принесть съ собой, какъ даръ, полученный въ наследство отъ родной среды, силу критическаго ума, свѣжесть непосредственнаго чувства и ясность художествен-

наго воображенія. Но эти качества не нашли себѣ должнаго примененія; его дарованіе, общавшее, судя по его первымъ опытамъ, развитыя въ послѣдствіи въ крупный сатирическій талантъ, не могло ярко проявить своихъ особенностей.

Горбуновъ, на первыхъ шагахъ своего знакомства со столичной интеллигенціей, близко сошелся съ кружкомъ лицъ, проникнутыхъ духомъ исключительнаго национализма, ставившихъ своимъ идеаломъ облагороженнаго патриархальнаго отношенія, — съ «молодой редакціей Москвитинна». «Молодая редакция Москвитинна» первая привѣтствовала его, какъ литератора, первая признала за нимъ выдающееся художественное дарованіе. Горбуновъ поддался ея влиянію. Подъ ея влияніемъ онъ «оформилъ» свое міросозерцаніе; она сообщила ему преувеличенное понятіе о «самобытности и народности»; она заставила его одно-сторонне взглянуть на совершающійся передъ его глазами процессъ «европеизаціи», низко оцѣнить блага новой цивилизаціи; она дала одностороннее направление его таланту; она подрѣзала крылья его критическому задору.

Сатирикъ умеръ въ Горбуновѣ. Горбуновъ не поднялся выше «милаго и добродушнаго» юмора¹⁾. Его «комизмъ» остался по преимуществу внѣшнимъ комизмомъ.

Всѣ поклонники его таланта должны признать, что появившіеся въ печати его рассказы и сцены далеко не передаютъ всего того содержанія, которое вкладывалъ въ нихъ самъ авторъ. «Талантъ его,—заявляетъ одинъ изъ этихъ поклонниковъ, возстановившій по своимъ воспоминаніямъ текстъ многихъ слышанныхъ имъ рассказовъ Горбунова²⁾,—проявлялся сильнее всего въ живой, изустной рѣчи, а потому невозможно вызвать всю сопутствовавшую ей неуловимую игру лица и голоса, которые составля-

ли истинную душу и прекрасную прелесть его рассказовъ. Въ этомъ отношеніи повторить въ уже нелзя и неслыханнѣе Горбуновъ навсегда лишены возможности ясно представить себѣ всю силу его... таланта».

Въ интонаціи и мимикѣ заключалась сила его рассказовъ; интонація и мимика придавалъ имъ особенную живость, колоритность и изобразительность. Безъ мимическихъ поясненій слѣдуетъ читать рассказы Горбунова, теряя значительную долю своей силы, не производя надлежащаго впечатлѣнія или иная фраза, то или иное выраженіе, которая въ изустной передачѣ получали особенный смыслъ, которыя съ особеннымъ удареніемъ подчеркивались самимъ «рассказчикомъ», при чтеніи кажутся безвѣтными, пропасть мало замѣченными.

Текстъ рассказовъ и сценъ Горбунова безцельно воссоздать въ пластическіе образы, съ которыми люди дѣло слушатели талантливаго рассказчика.

Именно на внѣшнюю пластичность Горбуновъ расходовалъ, главнымъ образомъ, свои творческія способности. Онъ прежде всего старался о томъ, чтобы съ внѣшней стороны созданный имъ образъ былъ безукоризненъ, чтобы изображаемый имъ типъ былъ надѣленъ внѣшними признаками, характеризующими его; онъ мало заботился о глубинѣ психологическаго анализа; онъ обращалъ исключительное вниманіе на внѣшній проявленія душевной жизни; онъ старался, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы жесты, тѣлодвиженія, мимика, манера говорить, интонація голоса, особенности языка выводимыхъ имъ на сцену лицъ говорили о вѣрности его воссозданія «дѣйствительности».

Изображая истинныя основы жизни русскаго народа, Горбуновъ никогда не доискивался «корня», не всматривался въ «сущность вещей». Его взглядъ всегда останавливался на поверхности общественныхъ явленій. Онъ всегда рисовалъ внѣшнюю сторону общественной жизни.

Въ своихъ рассказахъ изъ фабричнаго быта онъ не заглядывалъ въ глубь мастерскихъ, не пытался освѣтить харак-

терныхъ социальныхъ условий фабричнаго быта.

Его мастеровые и рабочіе—это горькіе пьяницы, любящіе весело пожить и погулять, поухаживать за женскимъ поломъ, люди «продувные», перѣдко мечтающіе о томъ, какъ бы устроиться «теплѣе».

У дверей кабака ведутъ бесѣду трое фабричныхъ.

— Я, братъ, всё степени пронюхалъ! Въ какихъ я мастерствахъ не находилъ, въ какой я должности не жилъ! Это намъ ничего!.. Желанья бы на купчихъ.

— На купчихъ жениться важно!

— На что лучше!

— А намъ хоть бы на мѣщаночку Богъ привелъ. Есть въ Москвѣ эдакія, которыя, значить, по мастерству по какому...

— Хоть, я тебѣ твою фортуну сбѣлаю— жено тебѣ? Ундеру дочь возьмешь? Вотъ, братцы, сказывалъ я вамъ, аль нѣтъ? Чудно ужъ смено!.. Жилъ насупротивъ нашей фабрики ундеръ... Только разъ, въ воскресенье, вышелъ я за ворота, гляжу—у его подъ окошкомъ сидитъ дамочка и смотритъ на меня... Вотъ я къ окошку-то и подшелъ. Погода, говорить, очень прекрасная... гулять вышли? Такъ точно, говорю, потому теперича гулять очень вальготнo. Вышла бы, говорить, и я да компанію мѣ водить не съ кѣмъ... Вы по какой части? Такъ и такъ, говорю; у своего хозяина въ плюминикахъ живемъ... Ну вотъ, голова, дѣло дѣло и къ нимъ ходилъ; опричь жениха мѣ и званья не было: женихъ да женихъ; рублевъ сорокъ денегъ я у ундера-то забралъ; а ужъ что мы съ этимъ ундеромъ слабой водки выпили. Она, бывало, романцы поетъ, а мы пьемъ, да про водку разговариваемъ. Пошелъ я тогда на Покровъ въ деревню— всю эту канитель-то и бросилъ.

Въ этомъ же духѣ написаны и остальные сцены изъ быта фабричныхъ. Единственное достоинство подобнаго рода сценъ—образность слога³⁾.

Образный, живой языкъ вообще составляетъ положительное достоинство произведеній Горбунова. Подобно большинству беллетристовъ «молодой редакціи Москвитинна», Горбуновъ въ высшей степени ревностно изучалъ народные говоры и разговорную народную рѣчь, изучалъ стилистическія особенности языка различныхъ обще-

ственныхъ группъ. Въ области языка онъ былъ рѣдкимъ знатокомъ... Онъ въ совершенствѣ даже изучилъ языкъ старинныхъ памятниковъ русской литературы, съ замѣчательнымъ искусствомъ умѣлъ поддѣлываться подъ стили посланій, грамоты и челобитныхъ XVII и XVIII столѣтій... Известно, напримѣръ, что сочиненное имъ «Письмо изъ Эмса» московскаго боярина XVII ст. ввело въ заблужденіе присяжнаго ученаго; одинъ специалистъ въ области старинной письменности, признавая подлинность письма, недоумѣвалъ только, какимъ образомъ бояринъ XVII стол. могъ знать о существованіи рулетки.

Но пристрастіе къ стилистичности все-таки вредно отразилось на талантѣ Горбунова; зачастую оно не знало границъ, зачастую вырождалось въ погоню за очень искусственными эффектами⁴⁾. Въ этомъ пристрастіи сказывалась склонность Горбунова изображать явления жизни съ чисто внѣшней, «казовой» стороны.

Склонность къ подобнаго рода изображеніямъ не покидаетъ Горбунова, когда отъ рассказовъ изъ фабричнаго быта онъ обращается къ рассказамъ изъ быта крестьянскаго, купческаго, чиновнскаго или аристократическаго. Передъ читателемъ, въ рассказахъ Горбунова, проходятъ послѣдовательно представители самыхъ разнообразныхъ общественныхъ ячеекъ и группъ: читатель видитъ передъ собой то стараго покрою замоскворѣцкихъ купцовъ и купчицъ, то добродушныхъ поселянъ, то приказчиковъ изъ Апраксина двора, то мѣщанъ и мелкихъ ремесленниковъ, то нищихъ и убогихъ, живущихъ «Христовымъ» подаеніемъ, то безпаспортныхъ бродягъ, шагающихъ по прозвѣжымъ дорогамъ, то возчиковъ и ямщиковъ, то работниковъ на перевозѣ, то лицъ духовнаго званія, то мелкихъ чиновниковъ, то лакеевъ и претныхъ дворовыхъ, то эксплуататоровъ-кулаковъ, спускающихъ помѣстья въ разорившихся дворянъ, то гордыхъ потомковъ земельной аристократіи, то неудачниковъ-интеллигентовъ, несумѣвшихъ

выбиться на дорогу и безвольно погибавшихъ жертвами «всесильныхъ» обстоятельствъ и судьбы, то актеровъ и т. д. — Но, несмотря на многочисленныхъ выведенныхъ на сцену лицъ, картина русской жизни, нарисованная Горбуновымъ, остается не полной, не блестяще яркостью красокъ.

Вездѣ и всегда, онъ не вводитъ читателя въ «святая святыхъ» душевнаго міра своихъ героевъ, не рисуетъ своихъ героевъ, стоящими у очага той борьбы за существованіе, въ которую они вовлечены, не раскрываетъ передъ читателемъ тѣхъ настоящихъ реальныхъ интересовъ, которые составляютъ истинное содержаніе ихъ жизни. Онъ всегда смотритъ на своихъ героевъ, такъ сказать, издали, довольствуясь съ тѣмъ, что передаетъ всегда первое внѣшнее впечатлѣніе, которое они ни на него издали производятъ.

Въ его рассказѣ «Изъ московскаго захолустья» есть слѣдующее характерное мѣсто: описывается холерная эпидемія, отъ холеры умираетъ одинъ богатый купецъ; авторъ предупреждаетъ читателя не поведу читателя туда, гдѣ теперь раздирающій душу стонъ, гдѣ слышны расстроганнаго сердца лютыя горячія слезы; будемъ стоять у воротъ дома и смотреть, что происходитъ на улицѣ.

Далѣе авторъ, съ точностью исправнаго хроникера сообщаетъ о томъ, что въ калитку юркнули два худенькихъ человечка въ сибирочкахъ, а за нимъ еще двое... Это гробовщики. Выпалъ всѣ назадъ, стояли въ кучу, постояли, поговорили, опять ушли въ калитку... Опять выпали. Трое отдѣлились, взяли отступного и ушли.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ на тумбахъ расположились какія-то неопредѣленные личности. Одинъ въ фризовой шапелі, другой въ длинномъ истрпадномъ халатѣ, третій въ истасканномъ до невязки вѣщ-мушдрѣ, четвертый... Это нищѣ...

Такимъ именно наблюдателемъ, отъскакивающимъ проникнуть къ самому очагу жизни, смотрящимъ на нее со стороны, и является самъ Горбуновъ во всѣхъ тѣхъ изъ своихъ произведеній, которыя признаются наиболее удачными.

Иногда, правда, онъ ставилъ себѣ болѣе широкія задачи, пытался подойти

ближе къ «сущности жизни», дѣлалъ, напр., попытки набрасывать болѣе обстоятельныя сцены изъ купческаго быта, но, по признанію самыхъ восторженныхъ почитателей его таланта, эти сцены изъ купческаго быта, эти изображенія повседневной купческой жизни всего менѣе удавались ему, въ нихъ онъ не былъ оригиналенъ⁵⁾. Также неудачны его «драматическіе этюды», обрисовывающіе помѣщичій бытъ.

Сильныя стороны своего таланта, блескъ своего «милаго и добродушнаго» юмора Горбунову удавалось обнаружить тогда, когда онъ описывалъ уличныя сцены, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ являлась разношерстная толпа, собравшаяся смотрѣть на какое-нибудь выходящее изъ ряда вонъ зрѣлище или привлеченная какимъ-нибудь трагическимъ происшествіемъ (напр., «Промомъ убило», «Утопленіемъ», «Затменіе солнца», «Воздухоплаватель», «У пупка»). Хороши также его сцены въ камерѣ мировыхъ судей, сцены, героями которыхъ являются типичные самодуры стараго покроя, не умѣющіе освотиться съ новыми порядками жизни.

Все это очень живыя, очень остроумно написанныя сцены, но придавать имъ значеніе серьезной общественной сатиры, видѣть въ ихъ авторѣ писателя съ широкимъ общественнымъ міросозерцаніемъ, увлекался его «либерализмомъ», — какъ это дѣлаетъ А. О. Кони, — болѣе, чѣмъ рискованно. Правда, повторяемъ, изъ Горбунова могъ выйти недожанный сатирикъ, могъ выработаться писатель съ широкимъ общественнымъ кругозоромъ⁶⁾. Но этого не произошло. На самомъ дѣлѣ Горбуновъ усвоившись на слишкомъ «миломъ и добродушномъ» мировоззрѣніи; онъ слишкомъ твердо усвоилъ себѣ урокъ, преподанный ему «молодой редакціей Москвитинна». Его либерализмъ разбѣялся на слишкомъ мелкую монету.

В. Шулятиновъ.

¹⁾ Такъ опредѣляетъ особенность его комическаго таланта г. А. Кони въ своей статьѣ, предпосланной изданію сочиненій Горбунова.

²⁾ Гр. Павелъ Шереметевъ: «Отзвуки рассказовъ И. О. Горбунова», стр. 141.

³⁾ Хотя необходимо имѣть въ виду, что даже подобныя сцены изъ фабричнаго быта въ свое время являлись своего рода новостью для литературы и имѣли большой цѣль.

⁴⁾ См., напр., сцену «Мастеровой» (Сбор. сочин., т. I, стр. 366).

⁵⁾ См. статью А. Кони, стр. 24—25.
⁶⁾ Такія произведенія, какъ «Дневникъ дворянина» и «Мысли вслухъ на парадномъ подъездѣ» говорить въ пользу нашего предположенія.